

Сначала Лин Син подумал, что Шэнь Лай повязал ткань на лоб ради красоты, для какого-то "стиля". Но теперь понял: повязка скрывала родинку плодовитости. Он уже собирался спросить, зачем мальчик её прячет, как в голове всплыли воспоминания, пришедшие вместе с телом.

Оказалось, что родинка плодовитости у геров - это очень интимная особенность. После десяти лет её обязательно нужно прятать. Вне зависимости от места расположения, её разрешено видеть лишь будущему мужу. Ни один посторонний мужчина не должен случайно увидеть её, это считалось оскорблением и позором.

У каждого гера родинка располагалась по-разному, на любом участке тела. Если она появлялась в труднодоступном месте, то определить, является ли ребёнок гером или обычным мальчиком, можно было только после подросткового возраста, наблюдая, образуются ли кадык и начнёт ли расти щетина. Если родинка была на теле или конечностях, её можно было легко прикрыть одеждой. Если у родинка находилась на лице, ушах или руках, словом, в местах, которые сложно спрятать, её приходилось маскировать. Богатые семьи покупали для этого специальные мази и косметику. Бедняки же обходились простыми средствами - мазали на родинку глину или золу из печи.

После того как Шэнь Лай снял повязку со лба, он снова посмотрел на Лин Сина с нескрываемой завистью:

— Невестка тебе и Сяо Ся повезло - родинки не на лице, не надо всё время мучиться, прятать их...

Лин Син покопался в памяти, унаследованной от прежнего владельца тела, и слегка подвигал языком. У него родинка плодовитости находилась у корня языка - если слегка надавить пальцем, можно было почувствовать маленький бугорок. Но и правда, скрывать её не требовалось: кто станет просто так открывать ему рот и рассматривать язык?

Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося, брат с сестрой, сидели рядом, сжавшись в комочек. Услышав разговор взрослых, они даже не думали вмешиваться, тихо слушали, не перебивая. Их страх и неуверенность Лин Син вполне мог понять. В этом мире к женщинам и герам относились крайне несправедливо. Цао Маньюэ, мать детей, была брошенной женой, которая привела их с собой в дом Шэнь. И хотя в семье жили бедно, всё же был кров, еда, тепло. Это было куда лучше, чем скитаться по миру.

Но ведь дети были не родными семьи Шэнь, в них не текла кровь этой семьи. И Цао Маньюэ всегда опасалась: как бы её детей не выгнали. Если Шэни действительно решат избавиться от них, она ничего не сможет поделать.

Лин Син не знал, что втайне Цао Маньюэ снова и снова наставляла своих малышей: «Живите осторожно. Терпите. Главное, не раздражайте родню...» Ведь ещё с малых лет дети не получали любви и заботы от дедушки с бабушкой по отцу, всё время жили под давлением. Попав в семью Шэнь, им приходилось быть ещё осторожнее, чем раньше. Какой уж тут

раскрепощённый характер - только бы не мешать.

Понимая, что малыши боятся, Лин Син не стал их расспрашивать или принуждать к разговору. Пусть сидят молча, это куда лучше, чем заставлять их вести беседу. Тем более что Шэнь Лай был невероятно разговорчив, и одному с ним справиться уже было непросто.

Раз уж всё равно пришлось слушать, Лин Син решил использовать случай с пользой и стал расспрашивать Шэнь Лая о ценах на еду и вещи - нужно же как-то понимать, как тут устроена жизнь.

Выяснилось следующее: местность называлась уезд Юньшуй, посёлок Юнься, деревня Сяо Лю. Регион находился недалеко от юга и севера. Из основных сельхозкультур местные выращивали гаолян, просо, сою и пшеницу. Рис здесь тоже выращивали, но в основном на больших помещичьих фермах и в богатых домах. Обычным крестьянам не потянуть ни полив, ни дорогие семена.

Пшеницу здесь сажают больше всего, поэтому грубо перемолотая мука самая дешёвая. За катти такой муки с большим содержанием отрубей берут шесть вэней. Именно из неё сегодня варили кашу, которую ели утром. Тонко молотая мука стоит уже двадцать вэней за катти - отрубей в ней немного, но цвет всё равно слегка сероватый. Самая дорогая - это белая рафинированная мука, без отрубей, чистая и светлая. За неё просят тридцать пять вэней за катти.

Что касается других круп, сорго, просо, соя ещё дешевле: всего по пять вэней за катти. А вот рис, наоборот, очень дорогой. Даже прошлогодний обойдётся в шестьдесят вэней за катти, не говоря уже о новом - там цена удваивается.

С мясом дела обстоят так: самое дешёвое - говядина, по двадцать вэней за катти. Цена установлена государством, если кто посмеет продавать дороже, его схватят и избьют палками. Но есть одно но - резать скотину нельзя. Только если корова умерла сама или от болезни. Такие низкие цены на говядину были установлены специально, чтобы никто ради наживы не забивал рабочих быков. Если на мясе не заработать, то и лезть в риск с убоем никто не станет.

Свинина стоила тридцать пять вэней за катти, баранина - сорок, курятина, утиное и гусиное мясо - по двадцать пять. Самая дешёвая из мясных продуктов - рыба, всего двенадцать вэней за катти. Правда, совсем мелких рыбёшек можно купить и по одному вэню за штуку.

Шэнь Лай, загибая пальцы, перечислял цены. Когда дошёл до кур, уток и гусей, в голосе зазвучала грусть:

— Вот бы у нас дома хоть кого-то из них держали... Яйца куриные можно за вэню штуку продать. Утиные и гусиные покрупнее - по два. А если покупать, то и вовсе вдвое дороже выходит.

Династия Ю была основана совсем недавно, времена стояли беспокойные, и многие распоряжения правительства попросту не доходили до мест. Внутренние распри и борьба за власть мешали управлению. Лин Син вспомнил родной край прежнего владельца тела. При тех бедствиях, что там случились, если бы власти хоть чуть больше старались, возможно, всё и не дошло бы до бегства и полного разорения. Жаль только, что среди чиновников больше тех, кто лишь место занимает да кормится даром, и тех, кто думает лишь о своём клане, а не о народе. Как только есть выгода - бегут наперегонки, а как трудности - сразу в кусты. Не только здесь цены заоблачные, в родных краях прежнего Лин Сина было то же самое. Только вот зарабатывали простые люди совсем немного, словно кто-то нарочно хотел выгрести из их карманов последние медяки.

В деревне в основном всё ещё меняют товар на товар, монетами почти не пользуются. Даже когда пятнадцатого числа каждого месяца устраивают ярмарку, если можно расплатиться вещами, то деньги никто и не достаёт. Для крестьян деньги - это сокровище: приходят с трудом, а уходят вмиг. Потому и тратят их неохотно: только достал и как не бывало. Даже если бы и захотели расплатиться медяками - нечем: в руках у крестьян не задерживается ни одной лишней монеты.

Кроме ежемесячных ярмарок в деревне, бывали ещё и праздничные рынки на уровне округа и уезда. Сам Шэнь Лай бывал только на деревенской ярмарке и однажды на рынке в центре округа. А вот до уездного рынка ни разу не добирался. Он только слышал, что тот самый шумный и людный - проходит раз в три месяца, в первый день месяца.

Лин Син в общих чертах разобрался с местными ценами, и теперь решил узнать у Шэнь Лая, что из еды продаётся на ярмарке.

— Сахарные фигурки, цукаты из боярышника, солодовый леденец, леденец из сорго, кунжутные и арахисовые конфеты...

Шэнь Лай перечислил длинный список сладостей, и в процессе у него потекли слюнки. За ним потянулись Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяоя, они смотрели на Лин Сина и облизывались.

Сладости... вкусные... как же хочется!

Лин Син хотел было найти платочек, чтобы вытереть им рты, но увидел, что вся троица уже ловко вытерлась рукавами.

Он только уселся поудобнее, как Шэнь Лай снова заговорил:

— Лапша... лепёшки на пару...

Лин Син подождал немного и уточнил:

— Всё?

Шэнь Лай кивнул:

— Угу, всё.

— А баоцзы? Маньтоу? Хуньтюнь? Цзяоцзы - нет разве?

Шэнь Лай удивился:

— Это у тебя на родине такие едят, да?

Лин Син замер и стал перебирать в голове воспоминания... Нет. В памяти прежнего хозяина тела тоже не было этих блюд. Вообще, уличной еды как класса тут почти не существовало. Продукты бедные, меню однообразное. Всё это напоминало Лин Сину эпоху Хань из его прошлой жизни. Он не знал, были ли когда-то тут все эти блюда, но канули в лету из-за смутных времён или же они сюда вовсе не дошли.

Как бы то ни было, глаза Лин Сина загорелись. Он даже задышал слегка порывисто. Он может зарабатывать! Он ведь знал столько рецептов вкусной еды! Даже если вкус получится не самый идеальный, зато новинка, диковинка! Да и к тому же, по правде говоря, готовил он очень даже прилично.

Лин Син только успел порадоваться, как тут же скис: если всё действительно стоит столько, сколько говорил Шэнь Лай, то даже простой баоцзы ему сейчас не по карману. А на нем самом ни меди, ни серебра. И у семьи Шэнь нет ни гроша, чтобы его поддержать.

«Эх, один вэнь может сломить даже героя*, — с тоской подумал он. — Ну почему не может с неба вдруг упасть парочка серебряных лян?»

(ПП: известная китайская поговорка, подчёркивающая важность денег в практических делах)

Вдруг его осенило, и он быстро спросил:

— А тофу здесь есть?

Шэнь Лай сразу обрадовался:

— Невестка, ты хочешь тофу? Вот второй брат с остальными вернётся с продажи хвороста, я сразу попрошу у мамы денег, схожу в деревню. У Ван-фулана лучший тофу, надо с утра успеть, а то разбирают. Остальные делают невкусно.

Лин Син помахал рукой:

— Ладно, ясно. Значит, тофу тут уже есть...

Он-то уже мысленно прикидывал, как будет молоть бобы, чтобы делать домашний тофу. Трудоемко, конечно, зато дешево. К тому же, судя по словам Шэнь Лая, в деревне не одна семья делает тофу, значит, даже если он и займётся этим, продать вряд ли получится.

Лин Син оперся на руку, задумался. Если совсем не пойдёт, можно будет составить пару рецептов и продать их в уезде или на рынке в городке. Хоть какой-то стартовый капитал будет. Но такой вопрос нужно обязательно обсудить с семьёй Шэнь, ведь тело, в котором он оказался - гер, а значит, не имеет права вести бизнес самостоятельно.

Он твёрдо решил: надо зарабатывать. Жить на этой болтушке из отрубей - один-два дня можно, но дольше нельзя, здоровье загубишь.

— Кстати, Сяо У*, — сказал он, — ты больше не спи в общем зале. Иди ко мне в комнату.

(ПП: Сяо У - маленький пятый, Шэнь Лай - пятый ребенок в семье)

Комната на восточной стороне просторная, кровать там большая, даже втроем места хватит. Один Шэнь Лай уж точно уместится. Семья Шэнь ничего ему про это не говорила, но Лин Син не мог делать вид, будто ничего не замечает. Ему ещё долго жить в этом доме, и он не хотел из-за таких, казалось бы, мелочей постепенно растрачивать доброе отношение семьи Шэнь.

Услышав, что сможет спать в комнате, Шэнь Лай обрадовался так, что едва не подпрыгнул. Он тут же подался к Лин Сину, прижался к нему, тёрся, как котёнок, и, заискивающе улыбаясь, не мог скрыть восторга:

— Старшая невестка, ты правда самый лучший!

Кроме родных, никто и никогда не относился к нему так хорошо. Девочки и геры из деревни, примерно его возраста, не хотели с ним играть, считали его слишком диким, несдержанным. А ровесники-мальчишки и вовсе сторонились: презирали за то, что он гер, не только не принимали в компанию, но при случае ещё и норовили обидеть. Со временем Шэнь Лай совсем перестал искать себе товарищей в деревне.

Раньше, ещё до того, как в дом пришли Сяочунь и Сяоя, ему и со старшим братом поговорить толком не удавалось, тот был тяжело болен и нуждался в покое и тишине.

Он предпочитал в одиночку ковыряться в земле, выкапывая дождевых червей, или взбираться на дерево и сидеть там, разглядывая окрестности, лишь бы держаться подальше от деревенских ребяташек. А теперь у него появились Сяочунь и Сяоя, да ещё и старшая

невестка, который не отмахивался от него, а внимательно слушал. Шэнь Лай радовался этому искренне, от всего сердца.

Лин Сину тоже пришлось по душе прямота и живость Шэнь Лая. Он улыбнулся в ответ, мягко велел ему спрятать руки под одеяло, чтобы согреться.

Ближе к полудню остальные члены семьи Шэнь вернулись домой. Сюй Юфан вскипятила воду и разлила по чашкам, чтобы все могли согреть озябшие тела.

— Как продали? — спросила она.

— Пришлось снизить цену. Семь вэней за вязанку, — ответили ей.

Шэнь Чэншань нахмурился. Между бровями у него пролегли глубокие складки. На плечах главы семьи лежала тяжёлая ноша, годы нужды и забот стерли былую резкость черт, добавили морщин, выбелили виски. Услышав цену, Сюй Юфан тяжело вздохнула, тревога ясно проступила в её взгляде.

Погода всё ещё стояла холодная, и дрова сейчас продавались неплохо. Пусть уже не по двенадцать вэней за вязанку, как в самый разгар зимы и праздников, но девять-десять вэней всё ещё можно было выручить. Летом же, когда дров в избытке, за вязанку дают всего пять вэней.

— Вот сто сорок вэней, — сказал Шэнь Чэншань, передавая деньги. — Убери их. У Син-гера здоровье слабое, надо ещё раз купить ему лекарство.

За утро четверо мужчин заготовили двадцать вязанок хвороста, из них двенадцать собрал один Шэнь Хуэй.

Шэнь Чэншань без колебаний отдал все вырученные за день деньги Сюй Юфан. Лекарственные травы стоили дорого, а зимой и вовсе вдвое дороже обычного. В прошлый раз одна порция настоя обошлась почти в сто вэней.

Сюй Юфан не стала возражать. Отсчитав нужную сумму, она кивнула:

— Ладно. После обеда схожу в соседнюю деревню, приглашу лекаря Суня.

Решение тратить большую часть заработка на лечение Лин Сина старики приняли без колебаний. Ни Шэнь Хуэй, ни Шэнь Гуй с женой не сказали ни слова против.

Цао Маньюэ не только не возразила, но и сама заговорила:

— Мам, у старшей невестки здоровье слабое. Может, на ночь поставить в его комнате жаровню, чтобы было потеплее?

<http://bllate.org/book/13938/1243910>